

Вырезка из газеты

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

5* МАР 406

Свердловск

О пути мастера

Юр. Чап.

Ваграм Папазян приехал на Урал вторично. Больше, чем два года назад свердловские зрители видели его в «Отелло» Шекспира и «Гражданской смерти» Джиакометти.

Эти выступления хорошо запомнились. Папазян — большой мастер. Он вырос на традициях таких великих трагиков, как Элеонора Дузе и Нобелли.

Папазян — убежденный реалист. Всем своим творчеством он доказывает, что романтическая приподнятость трагедии отнюдь не требует фальшивых и выспренных жестов, кричащих поз, пышной парадности игры. Он прост и не боится будничной правды. Папазян-Отелло не только воинствующий гуманист и человек большой души, но и доверчивый солдат, не лишенный грубоватого простодушия.

Сила созданного мастером сценического образа Коррадо («Гражданская смерть») именно в том, что артист смело показывает трагедию падения человека и все неприглядные стороны этого падения.

Папазян изображает не отвлеченное возвышенное томление духа, а подлинное реальное страдание. Лишь в одном месте артист изменяет художественному реализму ради увлечения натуралистическими штрихами. Речь идет о чрезмерном анатомически точном копировании предсмертных судорог.

В нынешнюю гастрольную поездку В. Б. Папазян показал уральцам еще две своих работы. Он выступает в ролях Годда — героя пьесы Г. Ге «Казнь» и полковника Бредо в «Баламутнице» Э. Фавра.

«Казнь» Ге — произведение давно забытое. — Заслуженное забвение! Уж

очень наивны идея и содержание этой вещи. Она представляет собою слабые перепевы «Дамы с камелиями» А. Дюма — сына, «Талантов и поклонников» А. Н. Островского, романов Ф. М. Достоевского.

И в постановке социальных проблем драматург отнюдь не идет дальше своих предшественников. Он даже сильно отстает от них. Хищникам, которые травят куртизанку Ге, противопоставляет нелепо холушную фигуру добродетельного Годда — комедианта, задранированного в байронический плащ. Своей несчастной возлюбленной герой этот сулит мажорский уют в домике, увитом розами и затеряншемся в поэтических ущельях Пиренеев.

Нало сказать, В. Папазян с достоинством переносит тяжелое испытание. По существу, он работает и как артист и как драматург.

Прежде всего он ни на минуту не верит в возможность победы своего героя. Его Годда — трогательный мечтатель, в котором демократическая грубоватая прямолинейность сочетается с врожденным благородством, пылкая фантазия южанина и беззаветная храбрость с несколько смешной беспомощностью. Это своеобразный Дон-Кихот, понабавший в положении странствующего танцовщика.

Если «Казнь» Ге гальванизирована лишь ради того, что Папазян заново создает в ней образ Годда, то для чего, собственно, включена в гастрольную поездку «Баламутница»?

Пьеса «Баламутница» написана по мотивам романа Бальзака, который в русском переводе известен под заголовком «Жизнь холостяка» (кстати, в афише она почему-то названа пьесой Бальзака).

Драматург Фавр учинил самую беспардонную расправу над одним из замечательных бальзаковских шедевров. Можно было бы еще мириться с некоторыми сюжетными отклонениями, если бы их оправдывали условия сцены. Фавр, однако, нагромождает множество трюков, ничем не обоснованных. А самое печальное в том, что коренным образом извращена идея романа Бальзака.

Бальзак рисовал в «Жизни холостяка» страсти, расчеты и честолюбие провинциального Исудюна, карьеру кондотьеров XIX столетия, которые ценою величайшей подлости добивались власти и благосостояния.

Против главного действующего лица романа — полковника Бредо — Бальзак обрушивается со всей гигантской силой своего гения. Он разоблачает Бредо, как политическое проходимца и прощальную мерзавца, ставшего виновником смерти родной матери, тетки, дяди и жены, продавшего свои псевдо-демократические «убеждения» и переметнувшегося в лагерь легитимистов.

Драматург выступает против Бальзака. Он, по существу, реабилитирует Бредо, рисует его добрым пленником, спасающим дядюшку от влияния злойравной Баламутницы. Все сведено к этой пошлой семейной интриге. Бальзака, гневно разоблаченного затылком среди Исудюна, драматург делает чуть ли не проводником обывательской исудюновской морали.

Одна из многих нелепостей заключается в том, что из сюжета и характеров произведения Бальзака, которое сам он называл в письме к Ганской «страшным романом», резкий драматург умудрился сделать... забавную комедию. В комедийном плане играет и сам Папазян. Он показывает смешного саллафона, не лишнего добродушия, но не того страшного и зловещего саллафона-хищника, каким нарисовал Бальзак Бредо.

Даже и в этой сугубо порочной роли дают себя чувствовать недюжинный талант Папазяна, способность перевоплощения, которой обладает артист.

Большой трагик, как показывают его выступления в «Казни» и «Баламутнице», наделен и сочным, очень действенным юмором. Увы, в «Баламутнице» юмор этот расточается напрасно — в угоду сомнительным литературным махинациям драматурга Э. Фавра и вопреки бальзаковскому замыслу. Артист принужден по ходу действия чрезмерно упрощать образ, иногда грубо и неприятно шаржировать. Поражают, в частности, никак не вяжущиеся с бальзаковским сюжетом эпизоды, в которых Фавр заставляет Бредо тыкать своего дядю палькой в живот (!?), разыгрывать глумоватые, комические сцены со старой служанкой и т. д.

Театральная труппа, сопровождающая Папазяна в его поездке, насчитывает несколько способных артистов, но подбор ее случаен и несерьезен. В художественный коллектив вошли люди разных сценических школ, с самыми пестрыми вкусами и навыками. Некоторые из них принесли с собою готовые штампы. Рост других сильно затруднен ненормальными условиями работы над спектаклями. Им часто поручаются роли, не соответствующие их возможностям и

навыкам. Чувствуется, что премьеры (это особенно относится к «Баламутнице») готовятся наспех.

В режиссерском отношении «Баламутница» — спектакль, очень плохо организованный и беспринципный. Чувство художественной меры здесь нарушается безнаказанно многими исполнителями. Режиссер отнюдь не брезгает погоней за дешевыми эффектами, за народно смешными положениями.

Удивительно, как все это не корбит артиста такой высокой культуры, какую обладает В. Г. Папазян, названный в афишах художественным руководителем труппы.

В связи с гастролью Папазяна хочется поставить вопрос о пути крупного мастера. Больно видеть, как Папазян растрачивает себя на мелочи.

Пока подумать о создании постоянного театра-студии с участием таких артистов, как Папазян и Вленталь-Тамарин, о том, чтобы они получили возможность растить новые кадры советских трагиков, актеров романтического советского театра.

Книга Бялика «Горький в борьбе с театральной реакцией», опираясь на документы архива великого пролетарского писателя, приводит интересные материалы о театральных взглядах Алексея Максимовича.

Одной из сокровенных мыслей Горького была мысль о создании «театра преувеличенных страстей».

«Горький, — пишет Бялик, — предвещал расцвет романтической мелодрамы, проникнутой оптимизмом, возвышающей человека, и именно отсюда выросла его идея создания театра классической трагедии, высокой комедии и романтической драмы».

Пришло время осуществить прекрасную идею Алексея Максимовича Горького о создании у нас такого театра.